АНТРОПОЛОГИЯ

А. А. Казаков, О. М. Казакова

ВАРИАНТ РЕКОНСТРУКЦИИ НЕКОТОРЫХ СТОРОН СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОДИНЦОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

В работе предпринята попытка ретроспективной социальной реконструкции обитателей одного древнего поселка — поселения Сошниково 1, относящегося к сошниковскому этапу одинцовской культуры (вторая половина IV — первая половина V вв.). На основании историографических данных с привлечением палеогенетических реконструкций сделано предположение о принадлежности обитателей реконструируемого поселения к самодийскому этносу. На основе этнографических материалов выведены усредненные данные, характеризующие как отдельные демографические показатели, так и некоторые стратификационные позиции. Эти усредненные данные наложены на планиграфическую информацию, полученную методами археологии при исследовании поселения Сошниково 1. В результате комплексного исследования с привлечением этнографических, палеогенетических и археологических данных сделан вывод о социальной организации обитателей одного древнего поселка. Обитатели поселка жили братскими семьями. По этнографическим данным средняя численность членов одной семьи составляла порядка 14 человек. На основании средней численности семьи и средней площади жилища выведена средняя площадь жилого пространства на 1 человека, которая составила порядка 1,8 кв. м. Общее количество жителей поселения всех половозрастных категорий составила порядка 148 человек. Выявлены особенности планиграфии жилища, деление его на 2 части: священную — мужскую, гостевую, расположенную за очагом, у дальней стенки жилища, и нечистую — женскую, хозяйственную, запороговую зону. Об этом свидетельствуют скопления хозяйственного инвентаря (керамики) в предвходовой зоне жилищных котлованов. Планиграфический анализ древнего поселка позволил конкретизировать ранее высказанную гипотезу о разграничительно-социальной, а не фортификационно-оборонительной функции линии ров-вал и наличии определенных слоев зависимого населения, что позволяет говорить о наличии достаточно жесткой системы вертикальной стратификации. Привлечение этнографических данных позволило выдвинуть гипотезу о системе ведения хозяйства и наличии определенных видов собственности на угоды. Статья носит дискуссионный характер и одной из целей имеет апробацию предложенной методики с целью ее дальнейшего использования при проведении более масштабных реконструкций на основании достаточно представительного планиграфического материала, представляющего поселенческие комплексы лесостепного Алтая, оставленные, вероятно всего, самодийским населением и относящиеся к заключительным этапам кулайской и одинцовской культур.

Ключевые слова: археология, этнография, палеогенетика, социальная организация, семья, жилище, демография, стратификация, реконструкция.

С момента обособления социологии в самостоятельную систему знаний основные ее закономерности применялись практически во всех исследованиях, проводимых в гуманитарных сферах. Социологический раздел в последнее время является неотъемлемым атрибутом и в проводимом археологами изучении хронологически отдаленных социальных образований, находящихся на дописьменных этапах развития. Кроме того, в последнее время появилось большое количество работ, самостоятельным объектом исследования которых выступает социальная организация древних обществ.

Положение об универсальном характере общетеоретических построений социологии позволяет применять их практически ко всем системным социальным образованиям. Специфика археологического исследования, заключающаяся в анализе остатков овеществленной

деятельности древнего человека, накладывает определенную специфику на методологию ретроспективных социологических реконструкций. Для получения репрезентативных результатов эту специфику необходимо учитывать. Это обстоятельство обусловило появление специальных работ, направленных на методологические разработки социологических реконструкций (Массон, 1996; Матвеева, 2000; Матвеева, 2007 и др.).

До последнего времени социальные реконструкции в археологии касались преимущественно вертикальных структур и проводились с использованием принципа отражения социальной дифференциации на основании имущественного неравенства. В подавляющем большинстве случаев эти реконструкции выполняются на материалах достаточно крупных погребально-поминальных комплексов. Основными показателями положения статуса погребенного считаются размер надмогильного сооружения, конструкция погребальной камеры и богатство сопроводительного инвентаря (Генинг, Бунятян, Пустовалова, Рычков, 1990: 190–191; Алекшин, 1981: 5; Binford, 1971; Пинар, 2016 и др.). Реконструкции горизонтальных структур предпринимаются значительно реже. В данной работе будет предпринята попытка реконструкции социальной структуры одного рядового древнего поселка эпохи раннего средневековья лесостепного Алтая.

В настоящее время на территории лесостепного Алтая это единственный полностью исследованный сплошным раскопом поселенческий памятник, относящийся к I тысячелетию. В культурно-хронологическом отношении он принадлежит сошниковскому этапу одинцовской культуры, который датируется второй половиной IV — первой половиной V вв. (Казаков, 2014: 136). Памятник оставлен лесным, вероятнее всего, самодийским населением кулайской культуры, трансформировавшейся в одинцовскую, благодаря сильнейшему культурному импульсу археологических образований гуннского круга, который имел место в эпоху великого переселения народов. Об этом свидетельствуют богатые одиночные бескурганые захоронения на этой территории с комплексами изделий, выполненных в полихромном стиле, и кольцевой деформацией черепов, которые являются наиболее универсальными культурно-хронологическими маркерами, позволяющими отнести эти материалы именно к представителям гуннского поликультурного образования (Казаков, 2014; Казаков, 2017; Казаков, 2018; Казаков, 2018а).

На поселении сплошным раскопом площадью 964 кв. м. было исследовано 5 построек, 11 ям и линия рва. Следов вала не зафиксировано (рис. 1В). Полученные планиграфические и стратиграфические материалы, а также сгоревшие остатки деревянных конструкций позволили полностью реконструировать поселение (рис. 2). Все постройки интерпретированы как жилые, о чем свидетельствует их основательность. Все они выполнены с использованием сложных строительных приемов и представляют из себя заглубленные в землю срубы. В каждой постройке зафиксирован очаг и остатки жизнедеятельности в виде фрагментов керамики, которые залежали отдельными скоплениями (Казаков, 1998).

Для более репрезентативных результатов, получаемых при использовании данных этносоциологии в реконструкции древних обществ, необходимо опираться на сведения, характеризующие именно те этнические образования, которые подвергаются реконструкции. Общепринятым является мнение, что традиционные общества мало подвержены культурным новациям, особенно проживающие в труднодоступных лесных массивах, вдалеке от основных транспортных артерий, являющихся коммуникационными каналами древности, по которым распространялись не только товары, но и культурные, в том числе и социальные, новации. Основным коммуникационным каналом в то время для Евразии являлся Великий шелковый путь, который почти не затрагивал исследуемый регион (за исключением небольшого наиболее северного ответвления, так называемой «собольей дороги» (Кобзева, 2002: 41)).

К сожалению, в настоящее время пока не выявлены достоверные признаки, позволяющие на уровне археологических артефактов идентифицировать этническую принадлежность населения, проживающего в это время на территории лесостепного Алтая, поэтому существ-

вует достаточно широкая палитра мнений по этому вопросу. Одни исследователи считают их уграми (Грязнов, 1956: 113), другие — самодийцами (Чиндина, 1991: 128–130; Илюшин, 1993: 75), третьи — угро-самодийцами (Троицкая, Новиков, 1998: 86). Этнографические параллели между этими крупнейшими этническими общностями центра Евразийского континента говорят об их близком родстве. Об этом свидетельствуют и трудности разделения на основании археологических данных, которые свидетельствуют о достаточно близкой материальной культуре, системе идеологических представлений, а следовательно, и о близких обрядах и обычаях. А ведь именно они являются основными регуляторами социальных отношений, в том числе и в брачно-семейной сфере. Поэтому если при использовании этнографических параллелей при реконструкции социальной организации самодийских племен будут привлекаться этнографические данные по угорским племенам, или наоборот, к большому искажению полученных результатов это привести не может. В последнее время, опираясь на палеогенетические исследования, можно достаточно обоснованно считать представителей кулайской культуры, как и ряда производных культур, сформированных на кулайской основе, представителями самодийского этнического субстрата (Волков, 2013: 91).

Говоря об этнической принадлежности одинцовского населения, еще раз обратимся к данным палеогенетиков, методы которых, наряду с другими естественнонаучными методами, стали активно применяться археологами. Исследование Y-хромосом, проведенное В. Г. Волковым, позволяет с большой долей уверенности говорить о принадлежности одинцовского населения именно к представителям самодийского этнического субстрата (Волков, 2013: 92). Поэтому при проведении социальной реконструкции будем опираться на этнографические данные именно по самодийцам. По возможности постараемся использовать этнографические данные, полученные исследователями при изучении обществ, подвергшихся как можно меньшему влиянию инокультурных новаций, находящихся на уровне развития традиционных догосударственных образований.

Несмотря на то, что первичной социальной ячейкой общества считается семья, при проведении социальной реконструкции, направленной на выявление социальной структуры обитателей древнего поселка, мы будем оперировать понятием домохозяйство, которое характеризует обитателей жилища как социально-хозяйственный организм (Усачева, 2014). Являясь единым целым, оно чаще всего включает в себя и институт брачно-семейных связей. Первичная ячейка, наряду с более крупной родственной структурой, которая, по сути, является разросшейся семьей (родом), должна иметь свою территорию, на которой она осуществляет свои основные институциональные функции, в том числе репродуктивную и социализирующую, а также хозяйственную деятельность, удовлетворяющую основные материальные потребности этого домохозяйства. Этой территорией является жилище. У всех традиционных обществ внутренняя планировка жилища подчинена определенному принципу, в основе которого лежит утилитарная составляющая, т. е. как при минимальных сырьевых и энергетических затратах обеспечить жизнедеятельность как можно большего количества членов коллектива в определенных экологических условиях. Эта утилитарная составляющая определяет и площадь жилого помещения, и количество проживающих в нем людей. Для каждого социального образования мы можем наблюдать традиционную схему планировки жилища, где численность людей, проживающих в нем, можно измерить достаточно универсальной величиной, а именно количеством необходимой площади для проживания 1 человека, входящего в первичную социальную ячейку общества.

Наиболее изученным в этнографическом отношении народом самодийской этнической общности являются селькупы (Гемуев, 1984; Тучкова, 2013, Тучкова, 2014; Пелих, 1981; Соколова, 1970 и др.). Изучение их социальной организации позволяет утверждать, что традиционной формой семьи у них была так называемая «братская семья», состоящая из группы родных и коллатеральных братьев с их сыновьями и племянниками (Пелих, 1981: 93; Торошина, Гемуев, 1984; Чернова, 2017: 99; Кулемзин, Лукина, 1992: 21). Братская семья прожи-

вала в одном жилище и являлась домохозяйством. В одном домохозяйстве могли проживать 3 и более брачных пар, которые входили в состав единой братской семьи (Кулемзин, Лукина, 1992: 39; Кулемзин, Лукина, 1977: 78). Площадь жилища, в котором проживала такая семья, составляла порядка 30–35 кв. м (Кулемзин, Лукина, 1992: 39). Количество членов семьи, по разным данным, могло варьироваться от 12 (Кулемзин, Лукина, 1992: 21) до 28 (Гемуев, 2005: 122) человек. По свидетельству других этнографов, численность братской семьи доходила до 16 человек (Кулемзин, Лукина, 1977: 187). В случае ее чрезмерного разрастания практиковался раздел домовладений (Гемуев, 2005: 121).

По подсчетам авторов, сделанным на основании сведений метрических книг XIX в., средняя численность семей в селькупском поселке составила порядка 10 человек на одну братскую семью (согласно Торощина, Чернова, 2017: 100). Учитывая, что данные метрических книг в силу разных обстоятельств сообщают примерные сведения прежде всего о православном населении (Пинаевский, 2003: 5), а священники православных приходов, которые эти книги вели, не всегда уделяли должное внимание «местным инородцам» (Кочевых, 2006), которые не ходили в церкви и вели зачастую кочевой образ жизни, большего доверия заслуживают данные исследователей, которые работали с живыми представителями этнической группы и получили несколько иные результаты (от 12 до 28 человек). Принимая во внимание, что количество членов братской семьи в 28 человек является, на наш взгляд, фиксацией уже чрезмерно разросшейся братской семьи, крайним значением, а значит и достаточно редким, считаем вполне правомерным состав семьи ограничить количеством членов от 12 до 16 человек. Средняя численность братской селькупской семьи составляла при этом порядка 14 человек.

На поселении Сошниково 1 было исследовано 5 жилищ. Их площади составили 33, 33, 30, 10 и 9 кв. м соответственно. Учитывая среднюю площадь исследованных жилищных построек на других культурно-хронологически синхронных памятниках, можно говорить, что она составляет порядка 25 кв. м с небольшими вариациями (Казаков, 2014: 87).

Из этих показателей можно вывести усредненную площадь на одного человека — 25 кв. м : 14 чел. = 1,8 кв. м / чел. Это несколько расходится с предложенным Л. П. Хлобыстиным показателем усредненной площади для таяжских и северных областей в 3,5 кв. м на человека (Ковалева, 1993: 11). Несмотря на достаточно значительное расхождение, будем придерживаться выкладок, рассчитанных на конкретном материале, и при проведении дальнейшей реконструкции примем усредненную площадь жилищного пространства в селькупской братской семье на одного человека равной 1,8 кв. м.

Зная площади исследованных котлованов и значение усредненной площади жилого пространства на 1 человека, мы можем рассчитать количество людей одного домохозяйства. Это 18, 18, 17, 6 и 5 человек соответственно. Таким образом, численность людей, проживающих на исследованном жилом пространстве, обособленном от окружающего мира кольцевым рвом, составляет порядка 64 человек.

Согласно глазомерному плану, к поселению относится еще 6 жилищных западин, расположенных за кольцевым рвом (рис. 1А). Учитывая среднюю площадь жилищной западины и усредненную площадь жилого пространства на 1 человека, мы можем рассчитать среднее количество людей, проживающих в одной жилищной постройке. 25 кв. м : 1,8 кв. м / чел = 14 человек. 14 человек умножаем на 6 построек и получаем еще 84 человека.

Таким образом, вероятная численность населения поселения Сошниково 1 могла составлять порядка 148 человек. Это общая численность абсолютно всех половозрастных групп.

Интересны закономерности выявленной археологическими методами внутренней планировки жилищ. В центре каждого жилища располагался очаг открытого типа. Преимущественно в левой от входа зоне жилища встречаются скопления керамики. Подобная закономерность, соотнесенная с этнографическими данными, позволяет сделать некоторые выводы и о социальной организации внутри братской семьи поселения Сошниково 1.

Так, у самодийских народов Западной Сибири внутреннее пространство жилища делится на 2 части (сытки) — почетную-мужскую-гостевую-священную и нечистую-женскую-пороговую (Головнев, 1995: 254). Очаг-костер располагался в центре жилища (Тучкова, 2013: 131). Соблюдалось правило сакральности пространства за очагом напротив входа. Это место воспринималось как чистое, священное и предназначалось для почетных гостей (Тучкова, 2013: 144). Об этом свидетельствуют и данные других исследователей (Соколова, 1997: 334). Самые лучшие места — у дальней от входа стенки, за очагом, предназначались для мужчин-хозяев и почетных гостей, самые худшие — у входа — для женщин и детей (Соколова, 1997: 334; Тучкова, 2014: 84; Кулемзин, Лукина, 1977: 78). Нары (спальные места) устраивались вдоль продольных стен, спать ложились также на полу (Тучкова, 2014: 90–91).

Низкий уровень развития экономики и преобладание натурального хозяйства обусловили относительно слабую социальную дифференциацию общества в вертикальной плоскости (Кулемзин, Лукина, 1977: 213; Бояршинова, 1960: 66).

Несмотря на это, необходимость регулирования различных вопросов как хозяйственной деятельности, так и защиты промысловых угодий от представителей других этносоциальных образований, должны были обусловить наличие централизованного племенного объединения. Данные исторических источников свидетельствуют о наличии у селькупов в XVI в. подобного образования, которое получило наименование «Пегая орда» (Бояршинова, 1960: 66).

Кроме того, о широкой практике использования стратификационных позиций говорят и этнографические свидетельства, согласно которым в селькупских поселках выделялись жители, поражающие своей нищетой. Это были зависимые люди, которые ранее проживали в других поселениях и в результате перераспределения угодий не имели своих собственных промысловых участков. Эти люди селились, как правило, недалеко от поселков экономически самостоятельных семей и находились в зависимом от них положении. Для их обозначения у селькупов даже был свой термин «коча», который достаточно условно переводится как «рабы» (Пелих, 1981: 129).

На глазомерном плане поселения Сошниково 1 (рис. 1А) мы видим группу жилищ, состоящую из 5 построек, окруженную кольцевым рвом и сопутствующие этой группе 6 жилищных западин за пределами этой ограниченной рвом площадки. На наш взгляд, этот ров служит границей, отделяющей экономически самостоятельные группы сошниковского населения от зависимых от них «коча», которые за разрешение вести определенные виды хозяйственной деятельности на промысловых участках членов экономически самостоятельных семей находились от них в определенной зависимости.

О социально-разграничительной роли линии ров-вал на фоминско-одинцовских городищах (и не только) уже говорилось (Казаков, 1997). В дополнение к уже озвученной системе аргументации по этому вопросу можно добавить планиграфические наблюдения на больших комплексах городищ, где можно проследить, что линии ров-вал, ограничивающие жилое пространство нескольких жилищ, ограничивают жилое пространство жилищ, расположенных в непосредственной близости друг от друга. В результате мы можем наблюдать «чешуевидное» расположение городищ, когда ограничительная линия одной группы западин упирается своими концами в ограничительную линию другой группы западин.

Наиболее показательным является комплекс Малый Гоньбинский кордон 6/2, состоящий из 6 взаимосвязанных объектов, включающий в себя 4 группы западин, ограниченных линиями ров-вал и 2 группы западин вне этих линий (Кирюшин, Казаков, 1996: 69–71). Наличие чешуевидно расположенных разграничительных линий еще раз подтверждает их нефортификационное назначение, а приведенные этнографические параллели позволяют выдвинуть гипотезу об их социально-разграничительной функции, как о линиях разграничения социальных групп, расположенных на различных стратификационных позициях (свободные и зависимые члены единой социальной общности).

Проводя дальнейшие этнографические параллели, мы можем наметить и основы системы организации хозяйственной деятельности этого социального образования. Так, братские селькупские семьи обозначались понятием «чвэчём», которое в дословном переводе означает «моя земля», или угодья, находящиеся во владении группы родственников (Пелих, 1981: 92–93). Понятие «матарым» обозначало как территорию нескольких чвэчём, так и территорию общего пользования, на которой могли вести промысел представители различных чвэчём, имевшие общего предка (Пелих, 1981: 99–102).

Таким образом, можно выйти на более высокий уровень социальной реконструкции и высказать гипотезу, согласно которой социальная организация населения поселения Сошниково 1 была достаточно сложной. Корпускулярная семья еще не выделилась из братской семьи. Несколько братских семей представляли собой родовое образование, объединяющее кровных родственников, проживающих на территории одного поселка и имевшее в пользовании родовые промысловые угодья. Наличие матарым свидетельствует о наличии более сложных социальных структур, которые на данном уровне исследования можно определить как предплеменные или племенные образования.

Социальное расслоение, благодаря слабо выраженной имущественной дифференциации, в социальной системе древних насельников было слабо выражено, однако существовала сильная экономическая зависимость определенных групп населения, не входивших в родо-племенные структуры, обладавшие правами на промысловые участки.

Данные проведенной реконструкции носят далеко не абсолютный, а гипотетический характер, особенно в плане определения численного состава братской семьи. Наличие большого массива планиграфических материалов, относящихся к данному культурно-хронологическому периоду (Казаков, 2015), позволят провести более масштабные ретроспективные социологические реконструкции с использованием предложенной методики, которую планируется апробировать как на страницах печатных изданий, так и на различных конференциях.

Рис. 1. А — глазомерный план поселения Сошниково 1; В — план раскопа на поселении Сошниково 1.

Рис. 2. Реконструкция поселения Сошниково 1.

Список литературы:

- Алекшин В. А.** Погребальный обряд как археологический источник // Краткие сообщения института археологии. М.: Наука, 1981 (№ 167). С. 3–9.
- Бояршинова З. Я.** Население Западной Сибири до начала русской колонизации (виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск: Издательство Томского университета, 1960. 152 с.
- Волков В. Г.** Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. Томск: Томский государственный педагогический университет, 2013. № 1 (1). С. 79–96.
- Гемуев И. Н.** Семья у селькупов (XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1984. 156 с.
- Гемуев И. Н.** К вопросу о социальной организации селькупов // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2005, № 1 (21). С. 121–127.
- Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А.** Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990. 301 с.
- Головнев А. В.** Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.
- Грязнов М. П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.–Л.: АН СССР, 1956. 256 с.
- Илюшин А. М.** Верхнеобская этнокультурная общность (по материалам Кузнецкой котловины) // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск: Томский государственный университет, 1993. 211 с. С. 74–77.
- Кирюшин Ю. Ф., Казаков А. А.** Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 68–72.
- Казаков А. А.** К вопросу о функциональном назначении линий вал-ров // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 183–187.
- Казаков А. А.** Городище Сошниково 1 // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 192–205.
- Казаков А. А.** Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2014. 152 с.
- Казаков А. А.** Макропланиграфические данные поселений как источник для исторических реконструкций // Вестник Сургутского государственного педагогического университета (научный журнал). Сургут: издательство РИО СурГПУ, № 3 (36). 2015. С. 90–97.

- Казаков А. А.** О восточной границе распространения изделий полихромного стиля // Вестник Томского государственного университета. История. № 1 (45) 2017, Томск: Издательство ТГУ. С. 83–92.
- Казаков А. А.** Гунны на Алтае: маркеры и последствия // Археология Евразийских степей. Казань: АО «Издательский дом» «Казанская недвижимость», 2018. № 6. С. 112–115.
- Казаков А. А.** О границе цивилизационно-ментальных зон в эпоху великого переселения народов по археологическим источникам // Вестник Томского государственного университета. История. № 55. 2018а, Томск: Издательство ТГУ. С. 120–130.
- Кобзева О. П.** Великий шелковый путь и мировая цивилизация. Ташкент: Университет, 2002. 88 с.
- Ковалева В. Т.** О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ (неолит — начало бронзового века) // Вопросы археологии Урала : сборник научных трудов. Екатеринбург, 1993. [Вып. 21]. С. 5–23.
- Кочевых С. В.** Методическое пособие по проведению генеалогических разысканий. Основы генеалогической культуры. СПб.: 2006. 80 с.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В.** Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв. (этнографические очерки). Томск: Издательство Томского университета, 1977. 226 с.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В.** Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. 136 с.
- Массон В. М.** Исторические реконструкции в археологии. Самара: СамГПУ, 1996. 102 с.
- Матвеева Н. П.** Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.
- Матвеева Н. П.** Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным. Тюмень: ТюмГУ, 2007. 208 с.
- Пелих Г. И.** Селькупы XVII века : (очерки социально-экономической истории). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1981. 174.
- Пинаевский Д. И.** Народонаселение дореволюционной России: источники и методы работы с ними. Учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 2003
- Пинар Жил Ж.** Украшения, топография и архитектура: индикаторы социальной стратификации на могильниках раннего вестготского периода в Испании и Южной Франции // Краткие сообщения института археологии. М.: Наука, 2016 (№ 244). С. 13–47.
- Соколова З. П.** Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. М.: Наука, 1970. С. 103–173.
- Торощина Н. В., Чернова И. В.** Сопоставление археологических и письменных источников как перспективное направление при изучении Притымыя (на примере юрт Напас) // Вестник Томского государственного университета. История. Томск: Томский государственный университет, 2017. С. 99–102.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.
- Тучкова Н. А.** Поселения и жилища // Культура селькупов / Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2013. 318 с.
- Тучкова Н. А.** Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2014. 224 с.
- Усачева И. В.** Дом и домохозяйство в каменном веке Зауралья и Западной Сибири: возможности социально-экономической реконструкции // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Издательство ИПОС СО РАН, 2014. № 3 (26). С. 73–79.
- Чиндина Л. А.** История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск, 1991а. 183 с.
- Binford L. R.** Mortuary practices: Their study and their potential // Approaches to the Social Dimensions of Mortuary Practice. Washington, D. C., 1971. (Memoirs of the Society for American Archaeology. Vol. 25.

Казаков Александр Альбертович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии.

Барнаульский юридический институт МВД России.

Ул. Чкалова, д. 49, г. Барнаул, Алтайский край, 656038.

E-mail: kaa-2862@mail.ru

Казакова Ольга Михайловна, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета.

Алтайский государственный университет.

Пр. Ленина, д. 61, г. Барнаул, Алтайский край, 656049.

E-mail: kazakova-olga@mail.ru

Материал поступил в редакцию 08 марта 2019 г.

A. A. Kazakov, O. M. Kazakova

RECONSTRUCTION OF SOME SOCIAL CHARACTERISTICS OF THE ODINTSOVSKAYA CULTURE SETTLEMENT

The article is aimed at a retrospective social reconstruction of the inhabitants of one ancient settlement – Soshnikovo1, which belongs to the Soshnikovskii stage of the Odintsovskaya culture (the second half of the 4th – the first half of the 5th century). On the basis of historiographic data with the involvement of paleogenetic reconstructions, it has been assumed that the inhabitants of the reconstructed settlement belonged to the Samoyed ethnic group. Following on the ethnographic materials, the authors derived the average data characterizing both individual demographic indicators and some stratification positions. These averaged data were applied to the planigraphic information obtained by archaeological methods in the study of settlement Soshnikovo 1. As a result of a comprehensive study involving ethnographic, paleogenetic and archaeological data, a conclusion has been made about the social organization of the ancient village inhabitants. The inhabitants of the village lived in brotherly families. According to the ethnographic data, the average number of members in one family was about 14 people. On the basis of the average number of families and the average area of the dwelling, an average area of living space per 1 person — about 1.8 sq. m. — has been calculated. The total number of inhabitants of the settlement belonging to all age and sex groups was about 148 people. The planigraphy of the dwelling is characterised by its division into 2 parts: the holy part — for men, guests, located behind the hearth at the far wall of the dwelling and the unclean part — for women, household activities, behind-the-threshold zone. This is evidenced by the accumulation of household equipment (ceramics) in the pre-entrance zone of the dwelling pits. The planigraphic analysis of the ancient settlement made it possible to support the previously stated hypothesis about the demarcation-social, rather than fortification-defensive function of the moat-rampart division line and the presence of certain layers of dependent population, which allows us to speak about the existence of a rigid system of vertical stratification. The involvement of ethnographic data resulted in putting forward a hypothesis about the system of household management and the existence of certain types of land ownership. The article opens discussion on the issue and aims at testing the proposed methodology for its subsequent use when carrying out reconstructions of larger scale on the basis of sufficiently representative planigraphic material of the settlements in the forest-steppe Altai, which belonged, most likely, to Samoyed people and can be related to the final stages of the Kulaiskaya and Odintsovskaya cultures.

Key words: *archaeology, ethnography, paleogenetics, social organization, family, dwelling, demography, stratification, reconstruction.*

References

- Alekshin V. A.** Pogrebal'nyi obryad kak arkheologicheskii istochnik [Funeral rite as an archaeological source] // Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology]. Moscow: Nauka, 1981. No. 167. pp. 3–9.
- Boyarshinova Z. Ya.** Naselenie Zapadnoi Sibiri do nachala russkoi kolonizatsii (vidy khozyaistvennoi deyatel'nosti i obshchestvennyi stroi mestnogo naseleniya) [The population of Western Siberia until the beginning of Russian colonization (kinds of economic activities and social structure of the local population)]. Tomsk: Tomsk University Publishing, 1960. 152 p.

- Chindina L. A.** Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (relkinskaya kul'tura) [History Of the Middle Ob in the early Middle Ages (Relkinskaya culture). Tomsk, 1991a. 183 p.
- Gemuev I. N.** Sem'ya u sel'kupov (XIX — nachalo XX v.) Selkup Family (XIX — beginning of XX century). Novosibirsk, 1984. 156 p.
- Gemuev I. N.** K voprosu o sotsial'noi organizatsii sel'kupov [To the question of the social organization of the Selkups] // Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. Novosibirsk: IAE SB RAS, 2005, № 1 (21). pp. 121–127.
- Gening V. F., Bunyatyan E. P., Pustovalov S. Zh., Rychkov N. A.** Formalizovanno-statisticheskie metody v arkhologii (analiz pogrebal'nykh pamyatnikov) [Formalized statistical methods in archeology (analysis of funerary monuments)]. Kiev, 1990. 301 p.
- Golovnev A. V.** Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiitsev i ugrov [Speaking cultures: Samoyed and Ugrian traditions. Yekaterinburg, 1995. 607 p.
- Gryaznov M. P.** Istoriya drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [History of Ancient Tribes of the Upper Ob according to Excavations near Bolshaya Rechka Village]. Moscow, 1956. 256 p.
- Ilyushin A. M.** Verkhneobskaya etnokul'turnaya obshchnost' (po materialam Kuznetskoi kotloviny) [Upper Ob ethno-cultural community (according to the materials of the Kuznetsk basin)] // Kul'turnogeneticheskie protsessy v Zapadnoi Sibiri [Cultural heritage processes in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University, 1993. pp. 74–77.
- Kazakov A. A.** K voprosu o funktsional'nom naznachenii linii val-rov [On the functional purpose of the moat-rampart division lines] // Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnikh obshchestv [Social-economic structures of ancient societies of Western Siberia]. Barnaul, 1997. pp. 183–187.
- Kazakov A. A.** Gorodishche Soshnikovo 1 [Settlement Soshnikovo 1] // Drevnie poseleniya Altaya [Ancient settlements of Altai]. Barnaul, 1998. pp. 192–205.
- Kazakov A. A.** Odintsovskaya kul'tura Barnaul'sko-Biyskogo Priob'ya [Odintsovskaya culture of the Barnaul-Biysk Ob Area]. Barnaul: Barnaul Law Institute of MIA of Russia, 2014. 152 p.
- Kazakov A. A.** Makroplanigraficheskie dannye poselenii kak istochnik dlya istoricheskikh rekonstruktsii [Macro-planigraphic data of settlements as a source for historical reconstructions] // Bulletin of Surgut State Pedagogical University (scientific journal). Surgut, No 3 (36). 2015. pp. 90–97.
- Kazakov A. A.** O vostochnoi granitse rasprostraneniya izdelii polikhromnogo stilya [On the Eastern border of the distribution of polychrome style objects] // Bulletin of Tomsk State University. History. No 1 (45) 2017, Tomsk. pp. 83–92.
- Kazakov A. A.** Gunny na Altae: markery i posledstviya [The Huns in Altai: markers and consequences] // Arkheologiya Evraziiskikh stepei [Archeology of the Eurasian steppes]. Kazan, 2018. No. 6. pp. 112–115.
- Kazakov A. A.** O granitse tsivilizatsionno-mental'nykh zon v epokhu velikogo pereseleniya narodov po arkhelogicheskim istochnikam [On the border of civilizational and mental zones in the era of the great migration of peoples according to archaeological sources] // Bulletin of Tomsk State University. History. No. 55 2018a, Tomsk, pp. 120–130.
- Kiryushin Yu. F., Kazakov A. A.** Kompleks arkhelogicheskikh pamyatnikov Malyy Gon'binskii Kordon [Complex of archaeological sites Malyy Gon'binskii Kordon] // Aktual'nye problemy sibirskoi arkhologii [Topical issues of Siberian archeology]. Barnaul, 1996. pp. 68–72.
- Kobzeva O. P.** Velikii shelkovyi put' i mirovaya tsivilizatsiya [The Great silk road and world civilization]. Tashkent, 2002. 88 p.
- Kochevykh S. V.** Metodicheskoe posobie po provedeniyu genealogicheskikh razyskaniy. Osnovy genealogicheskoi kul'tury [A guide to conducting genealogical researches. Fundamentals of genealogical culture]. St.Petersburg, 2006. 80 p.
- Kovaleva V. T.** O rekonstruktsii obshchinnnykh struktur drevnikh obshchestv Srednego Zaural'ya po raskopkam poselenii i zhilishch (neolit — nachalo bronzovogo veka) [On the reconstruction of community structures of ancient societies of the Middle Trans-Urals according to the excavation of settlements and dwellings (Neolithic — the beginning of the Bronze Age)] // Voprosy arkhologii Urala: sbornik nauchnykh trudov [Archeological issues of the Urals : collection of proceedings]. Ekaterinburg, 1993. [Vol. 21]. pp. 5–23.
- Kulemzin V. M., Lukina N. V.** Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse XIX — nachale XX vv. (etnograficheskie ocherki) [Vasyugansk-Vakhov Khanty in the late 19th — early 20th centuries (ethnographic essays)]. Tomsk, 1977. 226 p.
- Kulemzin V. M., Lukina N. V.** Znakomtes': khanty [Meet: the Khanty]. Novosibirsk, 1992. 136 p.
- Masson V. M.** Istoricheskie rekonstruktsii v arkhologii [Historical reconstructions in archeology]. Samara, 1996. 102 p.
- Matveeva N. P.** Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoi Sibiri v rannem zheleznom veke (lesostepnaya i podtaezhnaya zony) [Socio-economic structures of the Western Siberian population in the early Iron Age (forest-steppe and sub-taiga zones)]. Novosibirsk, 2000. 400 p.

Matveeva N. P. Rekonstruktsiya sotsial'noi struktury drevnikh obshchestv po arkheologicheskim dannym [Reconstruction of the social structure of ancient societies according to archaeological data]. Tyumen, 2007. 208 p.

Pelikh G. I. Sel'kupy XVII veka (oчерki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii) [The Selkups of the XVII century: (essays on socio-economic history)]. Novosibirsk, 1981. 174 p.

Pinaevskii D. I. Narodonaselenie dorevolutsionnoi Rossii: istochniki i metodyraboty s nimi. Uchebnoe posobie po spetskursu [Population of pre-revolutionary Russia: sources and methods of working with them. Textbook for special course]. Syktyvkar, 2003

Pinar Gil J. Ukrasheniya, topografiya i arkhitektura: indikatory sotsial'noi stratifikatsii na mogil'nikakh rannego vestgotского периода в Испании и Южной Франции [Jewellery, topography and architecture: indicators of social stratification in the burial grounds of early Visigothic period in Spain and Southern France // Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology]. Moscow: Nauka, 2016. No. 244. pp. 13–47.

Sokolova Z. P. Sotsial'naya organizatsiya obshchikh ugrov i sel'kupov [Social organization of the Ob Ugrians and Selkups] // Obshchestvennyi stroi u narodov Severnoi Sibiri [Social systems of the peoples of Northern Siberia]. Moscow: Nauka, 1970. pp. 103–173.

Toroshchina N. V., Chernova I. V. Sopostavlenie arkheologicheskikh i pis'mennykh istochnikov kak perspektivnoe napravlenie pri izuchenii Pritym'ya (na primere yurt Napas) [Comparison of archaeological and written sources as a prospective direction in the study of the Tyma River region (at the example of Napas yurtas)] // Vestnik of Tomsk State University. History. Tomsk: Tomsk State University, 2017. pp. 99–102.

Troitskaya T. N., Novikov A. V. Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e [Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk 1998. 152 p.

Tuchkova N. A. Poseleniya i zhilishcha [Settlements and dwellings] // Kul'tura sel'kupov / Sel'kupy: Oчерki traditsionnoi kul'tury i sel'kupsкого языка [Culture of Selkups / Selkups: Essays of traditional culture and Selkup language]. Tomsk, 2013. 318 p.

Tuchkova N. A. Sel'kupsкая oikumena. Obzhitoe prostranstvo sel'kupov yuzhnykh i tsentral'nykh dialektnykh grupp [Selkup ecumene. The habitable space of the Selkups of the southern and central dialect groups]. Tomsk, 2014. 224 p.

Usacheva I. V. Dom i domokhozyaistvo v kamennom veke Zaural'ya i Zapadnoi Sibiri: vozmozhnosti sotsial'no-ekonomicheskoi rekonstruktsii [Home and household in the Stone Age of Trans-Urals and Western Siberia: possibilities of socio-economic reconstruction] // Vestnik of archeology, anthropology and ethnography. Tyumen, 2014. No 3 (26). pp. 73–79.

Volkov V. G. Drevnie migratsii samodiitsev i eniseitsev v svete geneticheskikh dannykh [Ancient migration of Samoyeds and Yenisei people in the light of genetic data] // Tomsk Journal LING&. ANTROPO. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University, 2013. No. 1 (1). pp. 79–96.

Kazakov Aleksandr Albertovich, candidate of historical science, associate professor of the department of history and philosophy.

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

49 Chkalova st., Barnaul, Russia, 656038.

E-mail: kaa-2862@mail.ru

Kazakova Olga Mikhailovna, doctor of science (philosophy), associate professor, professor of the department of foreign languages.

Altai State University.

61 Lenina ave., Barnaul, Russia, 656049.

E-mail: kazakova-olga@mail.ru